

EXCLUSIVE
PROSE

ПАВЕЛ МЕЙЛАХС

ОТСТУПНИК

ФЛОБЕРИУМ / RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
М45

Произведения издаются в авторской редакции

Издание подготовлено при содействии
Литературного агентства и школы «Флобернум»

Миссия «Флобернума» — открывать звезды и дарить их людям,
чтобы жизнь стала ярче

Мейлахс П.

М45 Отступник / П. Мейлахс. — М.: Флобернум / RUGRAM,
2023. — 496 с. — (Exclusive Prose).

ISBN 978-5-521-91821-8

Новая книга Павла Мейлахса — взрывоопасная смесь разных жанров. Герой его романа «Пророк», глава современной пророческой конторы «Мухомор», с первых же строк демонстрирует беспощадный ум, граничащий с цинизмом. Он утоляет жажду общества в «героических» переживаниях «на халяву», без серьезных жертв. «Одурение социально приемлемым образом — цель практически любой религии и философии», — считает профессиональный пророк, который в один и тот же день разговаривает с мертвым братом, ввязывается в пьяную драку, снимает проститутку и одновременно со всем этим не устает обличать лицемерие гуманистической культуры. Но «в своих проповедях он манифестирует не истину, а боль» (В.Пустовая). Боль — это будничный хлеб всех героев автора. Но это всегда боль за какую-то высокую поруганную мечту. Проза Павла Мейлахса — это всегда еще и высокая поэзия.

BIC FA
BISAC FIC000000

© Павел Мейлахс, текст, 2022
© Александр Кудрявцев,
дизайн обложки, 2020
© ООО «Флобернум», 2023
© RUGRAM, 2023

ISBN 978-5-521-91821-8

P O M A H

ПРОРОК

1. УТРО

И в дороге далеку

Ты мене на зори провожала...

Яичница на сковородке трещала, стреляла, лопалась, взрывалась. Она вскипела шипением и треском напоследок, при отделении от сковороды, но плюхнулась в тарелку, затрепетала и стихла.

Два яйца в яичнице были двойни. Было четыре маленьких желточка и один большой.

Он бродил по обширной светлой кухне. Белел кухонный шкаф, тумбочка, еще что-то кухонное (пена?), еще что-то кухонное и еще что-то кухонное. Там, в белом, в кухонном, хранилось много посуды и приспособлений для еды, терки, молки, выжималки. Это все подарили ему любящие поклонницы. Они очень ему сочувствовали, глубоко понимали, каково ему тут одному, и надарили ему все это. Он и не знал, что в этом белом, кухонном. Вот уже двадцать лет все у него лежало на старой полочке (тоже, правда, бе-

лой). Перед тем как дожарилась яичница, он бродил по кухне. В белом медленно появлялись его смутные отражения, по которым было невозможно восстановить человека. Появлялись они не сразу, а неохотно, постепенно проступали, даже когда он стоял на одном месте. Отражения были недовольны, что их потревожили. Он двигался, и отражения так же медленно и неохотно пропадали с гладких, белых, блестящих поверхностей, медленно, как исчезает с таких поверхностей надышанное пятно пара. Над раковиной холодно, нержавеющей блестяли тоже какие-то кухонные приспособления. Висели стамески, долота, сверла, дрели, плоскогубцы для еды. Хуже: скальпели, катетеры, секаторы... Иногда он хмуро смотрел на них, они в ответ смотрели на него так же. Они были тоже, естественно, подарены и непонятно для чего нужны. В недрах квартиры стояли дареные шкафы с чем-то дареным в них. С чем, понятно, неизвестно.

Это был, как говорили, спятивший подводник. Может быть, врал. Говорили, что однажды он чуть не утонул в своей подводной лодке. Этот подводник часто наведывался в туалет и прислушивался, наклонив голову, как журчит в унитазах вода. Туалет в таких заведениях на всякий случай незакрывающийся. И подводник то и дело торчал там. С наклоненной, очень внимательно прислушивающейся головой. Что-то такое он слышал в журчании воды, лишь ему одному ведомое. Лицо его было совершенно бесстрастно. Какие-то оттенки, оттеночки журчания, которые он изучил, как никто. Но все ему было мало, все еще он что-то недопонял самое последнее. Все, что есть в мире, — это журчащая вода; в этом —

истина, с каких-то пор открывшаяся ему. Но еще оставалось много чего такого в журчащей воде, что было ему пока неизвестно; что ж, он постигал, постигал, неуклонно приближаясь к истине. Хорошо, что он пожизненно очутился в этом месте, ничто постороннее не отвлекало...

Он с трудом глотал сытную яичницу. Водил круговыми движениями хлебной коркой по дну тарелки, вымакивая растекшийся, застывающий желток. Жуя последний пропитанный хлебный комок, увидел в окно, что солнце ненадолго вышло. Крыша дома напротив озарилась. Ему захотелось согреть, подрумянить замерзшие руки над этой крышей.

В квартире холодно. Термометр застыл на +13.

Как неохота идти в контору.

Я кажусь себе циркачом, разрывающим цепи. И с каждым днем, с каждым разом кажется, что не разорвать. Но нет, разорвал пока. Живи до следующего раза. А вот сейчас точно не разорву. Но нет. Разорвал. Живи пока. Живу я *пока*. А дальше? Цепь все та же, но я слабее. Вот так когда-нибудь и не разорву.

Висишь над пропастью и чувствуешь, что силы кончаются в руках, когда-то они кончатся, а спрыгнуть нельзя, а залезть невозможно.

Он смотрел на окна противоположного дома. На подоконниках там стояли больничные цветы в горшках. Иногда там появлялись женщины в белых халатах. Медсестры, уборщицы. Он представил, как там сейчас скрипит по линолеуму тряпка на швабре. Дребезжит и скребет с визгом по полу случайно задетое ведро с грязной водой, в ведре заходили ходуном волны, одна не удержалась в его границах и хлынула через борт на пол. Размашистая водяная клякса на полу. Да-а-а чтоб

тебя! Он прекрасно знал, что происходит сейчас в доме напротив, ему не нужно было заглядывать внутрь. Он знал, что за столиком в только что вымытом, блестящем и даже немножко отражающем своим линолеумным полом коридоре трое играют в дурака. Он может пойти туда, сказатьсь больным и подсесть играть в дурака четвертым. Можно будет пара на пару. А кто будет его партнером? Олег Иванович с седыми боцманскими усами, с белыми куриными волосами на груди? Или тот худой, больной парень, которого зовут не то Витек, не то Санек (именно имени этого второго он точно не знал, а так он знал о них все)? Витек (Санек) излежался по больницам в разных городах, в разных странах, имеет богатейший опыт. Но болезнь все грызет его изнутри, и, похоже, плохо дело... Но замашки бывшего франта и сердцееда еще немножко остались. Он говорит, кривя рот, как человек, знающий подлинную цену вещам. История его жизни — это история болезни какой-то кишки в нем, которую и не вырезать, и не залечить. Вдруг Витек кому-то в зале для телевизора: «Во! Сделай погромче! Эту тему мы с ней напоследок слушали. Я тогда в армию уходил, на следующий день». Всю ночь они танцевали под нее. Тема поражает своей бледностью, банальностью, безвкусицей, бездарностью... Жаль, что ничего лучшего тогда не нашлось. Он бы так его понял, так бы ему посочувствовал! Но кого еще можно выбрать в качестве своего партнера? Остался один — серьезный Анатолий. Может, с ним? У него свитер черное с красным. Анатолий все знает. Как была проведена китайская земельная реформа, как вязать морские узлы, как была основана Иордания, как лучше всего заваривать чай, какую квартиру и в каком районе города лучше поку-